

МИРЪ СЪ БЛЖЖИМИ, КАКЪ УСЛОВІЕ ХРИСТИАНСКАГО ОБЩЕЖИТІЯ.

—

Когда животныя обнаруживаютъ противоположныя желанія, они необходимо приходятъ во взаимную вражду, истребляютъ другъ друга,—или достигаютъ своихъ желаній погибелью другихъ или сами погибаютъ. Человѣкъ, какъ нравственная личность, не подчиненъ этой необходимости слѣпо сталкиваться съ людьми и враждовать съ ними на жизнь и смерть. При всякой встрѣчѣ противоположныхъ желаній и интересовъ онъ долженъ обращаться къ нравственнымъ требованіямъ справедливости, которая укажетъ ему, гдѣ и когда его желанія незаконны, гдѣ и когда они противорѣчатъ благу его ближняго и благу общему. При высшемъ нравственномъ развитіи онъ повинуется еще заповѣди любви, которая внушаетъ ему жертвовать своими личными выгодами для блага другихъ, для блага общаго. Въ справедливости и любви заключаются самыя прочныя условія для водворенія мира между людьми, для основанія общаго дружества и братства между ними. И такъ тѣ, которые пробуждаютъ въ человѣкѣ эти нравственныя требованія, суть

по преимуществу миротворцы. Вотъ почему человѣчество въ своемъ историческомъ, многотрудномъ образованіи такъ высоко цѣнить своихъ нравственныхъ воспитателей, которые полагали лучшія основанія для общежитія людей и вносили въ общество ясныя понятія о правдѣ, о долгѣ, о взаимномъ уваженіи: во имя ихъ оно основывало цѣлыя государства, оно чтило въ нихъ миротворцевъ, оно чтило ихъ за то, что эти люди выводили полудикія толпы на путь мирной, правильной и сообразной съ человѣческимъ призваніемъ гражданственности.

Если и говорятъ иногда, что человѣку враждовать естественно, то при этомъ открыто ссылаются на явленія, замѣчаемыя въ природѣ не воодушевленной и между животными. Въ этой области слѣпыхъ силъ и слѣпыхъ влеченій мы въ самомъ дѣлѣ видимъ постоянную борьбу и вражду. Только мы недумаемъ, чтобы и человѣкъ былъ осужденъ на подобную слѣпую дѣятельность. Онъ смотритъ впередъ, заглядываетъ въ будущее, разсчитываетъ заранѣе послѣдствія своихъ поступковъ и потому можетъ во всякомъ разѣ избирать путь лучшій, сообразный съ благомъ общимъ, или съ благомъ многихъ: ему нѣтъ надобности избирать первое направленіе, какое только представляется ему по случайнымъ обстоятельствамъ; такое отсутствіе выбора и оцѣнки и тупое повиновеніе силъ обстоятельствъ противорѣчило бы его смыслящему, свѣтлому и разумному духу. Посмотрите съ другой стороны на тѣлесный составъ человѣка, такъ-ли онъ устроенъ, чтобы человѣку жить

въ борьбѣ и враждѣ. Его члены такъ нѣжны такъ легко уступаютъ всякой внѣшней силѣ, что нашъ родъ давно бы исчезъ съ лица земли, если бы онъ, подобно животному, жилъ нравомъ силы и насилія и не находилъ въ наукѣ, искусствахъ и въ своихъ нравственныхъ требованіяхъ хранителей своего земнаго существованія.—Нужды человѣка такъ разнообразны, такъ многосложны, его назначеніе, указанное ему Богомъ, такъ велико и требуетъ такихъ разнообразныхъ средствъ, что только въ мирѣ и живомъ союзѣ съ другими людьми, только въ человѣчествѣ, гдѣ онъ трудится для всѣхъ и все для него, можетъ онъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по волѣ Божіей? Поэтому законодатель, который мудрыми учрежденіями и постановленіями успокоиваетъ волнующееся общество, правитель, который силою доброй воли и свѣтлымъ умомъ пресѣкаетъ злоупотребленія, грозящія нарушить общественный миръ, отецъ семейства, умѣющій связывать дѣтей своихъ узами взаимной дружбы и любви, служитель церкви Христовой, прекращающій словомъ живаго убѣжденія зачинающуюся вражду между людьми совершаютъ дѣло благотворное для человѣчества; они—миротворцы, ихъ дѣла угодны Богу и сообразны съ его волею.

Въ древности, когда люди такъ открыто и чистосердечно высказывали свои ближайшія нужды, обыкновеннымъ привѣтствіемъ при встрѣчѣ человѣка съ человѣкомъ было желаніе мира; *миръ тебѣ, миръ вамъ* говорили встрѣтившіеся странники вмѣсто нашего: *здравствуй*, или: *доброга здоровья*. Этимъ при-

вѣтствіемъ одинъ человѣкъ какъ-бы говорилъ другому «я пришелъ къ тебѣ не какъ врагъ, не съ злымъ умысломъ, будь спокоенъ, я не оскорблю тебя, не возмущу твоего мира.» Но какъ-бы ни измѣнялись человѣческіе обычаи, желаніе мира и стремленіе къ миру составляетъ нравственную нужду всякаго человѣка. Человѣкъ всего охотнѣе живетъ тамъ, гдѣ наибольше людей и всего охотнѣе дѣлаетъ то дѣло, которое имѣетъ достоинство, или цѣну для наибольшаго числа людей. Если бы враждебныя отношенія были ему естественны, онъ стремился бы къ жизни одинокой: такъ хищный воронъ не любитъ общества; онъ вытаетъ на поля добычи, и за тѣмъ остальное время проводить одиноко на неприступныхъ скалахъ, или на вершинахъ снѣжныхъ горъ, гдѣ его взоръ почти не встрѣчается ни съ чѣмъ живымъ, вызывающимъ на сочувствіе, на общительность. Человѣкъ чувствуетъ живую потребность восполнять себя другими людьми, восполнять себя не только въ отношеніи матеріальномъ, но еще болѣе въ отношеніи духовномъ. Его способности душевныя такъ сильны, что неразумная природа не можетъ достаточно наполнить и занять ихъ своими впечатлѣніями, и съ другой стороны самъ онъ чувствуетъ такую сильную погребность обнаруживать свои душевныя состоянія и переносить ихъ въ міръ внѣшній, что невоодушевленная природа и въ этомъ отношеніи представляетъ для него слишкомъ тѣсное поприще; она повинуетъ его волѣ и его искусству тупо и безучастно, она не входитъ въ его положеніе, она не можетъ быть одно съ нимъ. Человѣкъ испытываетъ нрав-

ственное влеченіе къ человѣку какъ для того, чтобы отъ его слова и отъ его мысли получить внутреннія возбужденія, питать и воспитывать ими свою душу, такъ и для того, чтобы въ свою очередь открывать ему свою душу, свои мысли, желанія, радости и страданія. Здѣсь мы имѣемъ, такъ называемое, чувство *человѣчности*, которое даетъ нашему роду особенное, высшее значеніе среди другихъ воодушевленныхъ существъ этаго міра и которое оскорбляется вообще враждебнымъ отношеніемъ одного человѣка къ другому. Чувство это, изъ котораго рождаются нравственные цвѣты общительности, искренности, откровенности, простоты, участія и *состраданія къ несчастнымъ*, воспитывается правильными вліяніями науки, живыхъ примѣровъ, особенно же истинною, теплою религіозностью, для которой все доброе не только добро, но и священо, и кто воспитываетъ другихъ въ этомъ опредѣленномъ нравственномъ духѣ, тотъ трудится для примиренія людей и для укрѣпленія живаго союза и благотворнаго общенія между ними. — Такимъ образомъ поприще, открытое для подвига миротворенія, очень широко. Не только дѣйствія, касающіяся непосредственно общей пользы, скрѣпляютъ взаимный миръ людей: всякое ваше слово, всякая ваша мысль могутъ успокоивать человѣческія страсти: нерѣдко одинъ кроткій взглядъ, одно спокойствіе въ движеніяхъ и словахъ вашихъ погашаютъ вражду, которая уже началась между вами и людьми, съ которыми вы имѣете дѣло. Какъ вообще въ нравственной жизни, такъ и здѣсь главное зависитъ отъ доброй воли, отъ ясной рѣшимости и отъ

правильнаго душенастроенія. Во всякомъ положеніи и во всякой дѣятельности вы можете бросать сѣмена мира, которыя, если не всегда примѣтны для взора людей, то всегда однакъ же будутъ видимы всевѣдущимъ Богомъ, какъ чистые зачатки общаго блага.

Не всѣ одинаково способны водворять миръ и доброе согласіе между людьми: наши страсти очень часто рождаютъ вражду тамъ, гдѣ внѣшнія обстоятельства представляютъ самыя незначительныя поводы къ ней. Представимъ себѣ, что два брата несогласны съ третьимъ по вопросу о раздѣлѣ собственности. Смотри по своимъ душевнымъ качествамъ, каждый изъ нихъ будетъ поступать въ этомъ случаѣ различно. Одинъ, можетъ быть, увидитъ въ требованіяхъ своего брата открытое и намѣренное оскорбленіе своихъ правъ, найдетъ въ немъ своего врага, будетъ безчестить его, какъ чловѣка своекорыстнаго, ладнаго, готоваго на все дурное, лишь бы присвоить себѣ часть чужой собственности. Но такъ же можетъ быть, что другой признаетъ несправедливья требованія своего брата простымъ слѣдствіемъ недоразуменія, занутанности самаго дѣла, или слѣдствіемъ неопредѣленныхъ понятій брата о предѣлахъ правъ своихъ: въ такомъ случаѣ онъ постарается достигнуть своей цѣли мирными, взаимными объясненіями и не перейдетъ отъ простаго несогласія къ положительной враждѣ. Очевидно, что въ нравственномъ отношеніи этотъ послѣдній характеръ развить гораздо правильнѣе, нежели первый: онъ обнаруживаетъ

*

разумное самообладаніе и уваженіе къ чужому достоинству, тогда какъ первый дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страсти и находить злонамѣренность, жадность и оскорбленіе своихъ правъ тамъ, гдѣ пока существуетъ только несогласіе, только недоразумѣніе; все остальное, все достойное въ чужомъ лицѣ стало невидимо для его взора; для него существуетъ только врагъ, а не человѣкъ, не ближній, не братъ. Такъ большею частію вещи и люди представляются намъ въ такомъ свѣтѣ, какой мы бросаемъ на нихъ изъ глубины нашей души: для не свѣтлаго взора все мрачно, для злаго сердца все зло. Откуда у васъ раздоры, спрашиваетъ Апостоль Іаковъ, откуда и распри? Не отъ того ли, что вождельнія ваши воюютъ въ членахъ вашихъ? (Іаков. 4, 1).

Вообще миръ съ людьми требуетъ, какъ необходимаго условія, что-бы человѣкъ былъ въ мирѣ съ самимъ-собою, или что-бы онъ имѣлъ внутренній душевный миръ, который достигается самообладаніемъ, торжествомъ надъ страстями, послушаніемъ голосу совѣсти, особенно же дѣятельною преданностію въ волю Божію. Ежедневные опыты показываютъ, что человѣкъ, увлекающійся страстями, вездѣ находитъ поводы къ враждѣ съ людьми, которые окружаютъ его; мало этаго, онъ даже сердится на вещи, съ которыми онъ обращается; люди и вещи представляются ему, какъ враги, которые посягаютъ или на его спокойствіе, или на его счастье; ему хотѣлось бы, чтобы и люди и вещи мгновенно передвигались и измѣнялись сообразно съ

его капризами и страстями. Но особенно безотрадное явление представляет человекъ, когда онъ преслѣдуетъ цѣль дѣйствительно достойную, но въ то же время слѣпо увлекается самолюбіемъ и своекорыстіемъ. Это служеніе Богу и маммонѣ въ одно и то же время, на одномъ и томъ же мѣстѣ, есть источникъ всякаго фанатизма, такъ гибельнаго для общаго мира и для общаго блага. Вы встрѣчаетесь съ человекомъ, который отвергаетъ ваши убѣжденія, безспорно дорогія для вашего сердца. Вы хотѣли бы защищать эти убѣжденія, обратить не вѣрующаго на путь истины: что можетъ быть достойнѣе этаго дѣла? Но если при этомъ ваша душа кипитъ гнѣвомъ, ненавистью и злобою, если вы хотѣли бы низвести огонь съ неба на противника истины, если вами овладѣваетъ фанатизмъ, — не обманывайте себя и другихъ; эти порывы эгоизма, эта ненависть къ ближнему раздаются въ вашей душѣ не изъ любви къ истинѣ и къ великому дѣлу, а изъ страстнаго увлеченія тѣми личными интересами, которые, случайнымъ образомъ, связались для васъ съ защищаемой вами истиной, или съ защищаемымъ вами дѣломъ. Кто убѣжденъ, что истина не есть ни его собственность, ни его привилегія, а даръ Божій, посланный и посылаемый всему человѣчеству, кто знаетъ, что святая ревность по дѣлу Божию вызываетъ на любовь, на самоотверженіе, на терпѣніе, на забвеніе себя и своихъ мелкихъ интересовъ ради великаго дѣла, тогъ не станетъ защищать эту истину и это дѣло вралдою и ненавистью: эти орудія годятся только для защиты того, что исключаетъ насъ изъ союза людей, а не того,

что насъ вводитъ въ этотъ союзъ и дѣлаетъ насъ живыми членами одного, Богомъ правимаго и Богомъ просвѣщаемаго, человѣчества. Иисусъ Христосъ принесъ человѣчеству миръ; въ Своей предкрестной молитвѣ Онъ молилъ Своего Отца небеснаго объ одномъ: *да вси едино будутъ: яко же Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тѣ въ насъ едино будутъ* (Иоан. 17, 21). Итакъ единство всего человѣчества, полное, безусловное единство его подъ однимъ Богомъ, въ одной вѣрѣ, въ одной мысли, подъ однимъ закономъ, въ одномъ благѣ, въ одномъ совершенствѣ—такова высочайшая цѣль, указанная человѣческому роду его Искупителемъ. Между тѣмъ исторія этого же рода показываетъ, какъ часто люди религію Христову, религію мира и примиренія, религію жертвующей и всепокрывающей любви обращали въ источникъ новаго раздѣленія и новой взаимной вражды. Что значить это? Откуда эта вражда въ царствѣ мира? Откуда эти плевелы среди пшеницы? Этой духъ сѣять и сѣять ихъ на поляхъ сердець человѣческихъ. Самолюбіе, своекорыстіе, мелочная страсти дѣлають человѣка недостойнымъ слушателемъ Христовой истины и расторгають тотъ миръ между людьми, который долженъ бы необходимо раздался между нами изъ ливой вѣры въ Бога и изъ всецѣлой преданности въ Его ролю Церковь Христова молится о мирѣ всего мира и о всецѣломъ умиротвореніи человѣческаго рода во Христѣ Иисусѣ; и дѣйствительно мы видимъ, что необходимо особенное содѣйствіе Божіе, чтобы человѣчество, разрозненное, распавшееся, волнуемое враждебными и противо-

рѣшащими другъ другу интересами, достигло мира, единства и стало однимъ семействомъ Отца, небеснаго.

Всѣ наши поступки, все наше поведеніе съ ближними должны быть управляемы вѣрою, что Иисусъ Христосъ призвать весь человѣческій родъ къ единству подъ единымъ Богомъ. Кто перевелъ эту вѣру изъ простой мысли въ живое содержаніе своего духа, изъ головы въ сердце, тотъ во всякомъ человѣкѣ встрѣтитъ *своего*, близкаго, знакомаго, роднаго, брата. Несогласія и столкновенія съ людьми, неизбѣжныя въ жизни, непогасятъ въ немъ ощущенія этаго духовнаго родства людей, слѣдовательно непогасятъ въ немъ правды и любви, которыя представляютъ общія и общегодныя основанія для водворенія между людьми мира и братскаго общенія. Въ этомъ нравственномъ состояніи человѣкъ уничтожаетъ рѣзкое разстояніе между собою и своими ближними, уважаетъ человѣческое достоинство во всякомъ лицѣ, уважаетъ чужія права и исполняетъ свои обязанности, дѣлается способнымъ жертвовать, прощать и покрывать чужія слабости любовію во имя Христова и такимъ образомъ вносить миръ и единство въ сердца и во взаимныя отношенія людей при каждой встрѣчѣ съ ними—вносятъ словомъ, примѣромъ, искреннимъ совѣтомъ, безкорыстной услугой, какъ и вообще тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое скорѣе можно испытать и чувствовать внутренно, нежели замѣчать, какъ внѣшній поступокъ. *Блаженн миротворцы*, потому-что и для этаго, повидимому легкаго, подвига требуется упорная

борьба съ самолюбіемъ, торжество надъ страстями, свободное послушаніе совѣсти, особенно же дѣятельная любовь ко Христу и полная преданность въ Его волю.

П. Юркевичъ.

